
**ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА
ОРГАНАМИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ И ДОЗНАНИЯ
THE LAW ENFORCEMENT BY THE BODIES
OF PRELIMINARY INVESTIGATION AND INQUIRY**

УДК 343.131
DOI 10.52468/2542-1514.2022.6(3).212-223

**ПРИНЦИПИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЗАПРЕТА НА ПОВОРОТ К ХУДШЕМУ
ДЛЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ**

К.Д. Ванян, Н.Н. Лысов, М.Т. Тащилин, А.С. Шуйский, И.Р. Гильманов, В.В. Костерин
*Пятигорский институт (филиал) Северо-Кавказского федерального университета,
г. Пятигорск, Россия*

Информация о статье

Дата поступления –
7 июня 2021 г.
Дата принятия в печать –
20 июня 2022 г.
Дата онлайн-размещения –
20 сентября 2022 г.

Ключевые слова

Возвращение на следствие,
обвинение, уголовное дело,
состязательная процедура

Исследование посвящено актуальной для уголовно-процессуальной науки проблеме целесообразности существования в российском уголовном судопроизводстве института возвращения прокурору уголовного дела на стадии назначения и подготовки судебного заседания. По мнению авторов, запрет на поворот к худшему имеет более фундаментальное значение для уголовно-процессуальной системы, чем ему обычно приписывает теория. Справедливость и эффективность процедуры возвращения судом дела на следствие, позволяющей следователю изменить положение подсудимого посредством предъявления нового обвинения, сомнительны. Предпочтительнее выглядит модель изменения государственным обвинителем обвинения в суде с соблюдением состязательной процедуры, существующая в ряде государств, имеющих состязательный тип уголовного судопроизводства.

Раздел 1 подготовлен Н.Н. Лысовым, раздел 2 – К.Д. Ванян (совместно с М.Т. Тащилиным), раздел 3 – А.С. Шуйским (совместно с И.Р. Гильмановым), раздел 4 – В.В. Костериным.

**THE FUNDAMENTAL IMPORTANCE OF THE BAN ON TURNING FOR THE WORSE
FOR THE CRIMINAL PROCEDURE SYSTEM**

**Kristina D. Vanyan, Nikolay N. Lysov, Mikhail T. Tashilin, Andrey S. Shuisky,
Ilyas R. Gilmanov, Vladimir V. Kosterin**
Pyatigorsk Institute (branch) of the North-Caucasus Federal University, Pyatigorsk, Russia

Article info

Received –
2021 June 7
Accepted –
2022 June 20
Available online –
2022 September 20

Keywords

Return for further investigation,
prosecution, criminal case,
adversarial procedure

The article deals with the problem of the expediency of a criminal case's returning to the prosecutor at the stage of appointment and preparation of a court session in Russian criminal proceedings. This problem is relevant to the science of criminal procedure.

The purpose of the study is to analyze critically the practice of returning of a criminal case back to the prosecutor in order to correct mistakes made at the pre-trial stages of the proceedings according to the new concept of justice independence and the absence of an accusatory bias in the court functioning.

The methodological basis of the study is a set of scientific techniques, focused mostly on the dialectical approach, which made it possible to determine the essential characteristics of the prohibition to turn the criminal proceedings in Russia for the worse. Both general scientific (analysis, synthesis, systematic method) and specific scientific methods (formal-legal, historical-legal, comparative-legal) of knowledge were also used. The analysis helped to formulate the position of understanding the turn for the worse as an independent principle of criminal procedural law, to study the procedural form of the turn for the worse. The synthesis method made it possible to determine the return of the criminal case to the prosecutor at the stage of appointment and preparation of the court session as a holistic institution of the criminal procedure. The systematic approach allowed to determine not only the mixed nature of the mechanism for changing the prosecution to a more serious one, but the investigative organi-

zation of pre-trial proceedings and its place in the structure of criminal proceedings, the separation of the investigative and “accusatory powers” of the prosecutors as well as their balance. The historical method let us trace the evolution of the prohibition to turn the Soviet and Russian criminal procedural systems for the worse. The comparative-legal method made it possible to assess the potential of domestic legislators' reception of foreign experience of regulating the prohibition to turn for the worse and formulate proposals to improve the Russian criminal procedural legislation.

The main scientific results of this research consist of justification of the conclusion of the conversion expediency of the domestic judicial proceedings to the adversarial model of accusation which is carried out within the trial on the previously filed charge. The presentation of a new charge (criminal action) in court and the procedure of supplementing the charge change it for the worse. This model of re-indictment for the worse for the defendant appears to be fairer and more convenient both for the prosecuting authority and for the legal organization of combating crime. The changeover to the suggested form of implementation of the ban to turn for the worse in the institution of bringing and changing charges in court is possible only in a systematic link with the reform of the preliminary investigation.

Conclusion. The institution of the criminal case returning by the court to the prosecutor in order to change the charge to a more serious one when implementing the adversarial model of bringing charges in the criminal procedure system of Russia will fully satisfy the concept of independence of justice administration and the absence of an accusatory bias in the activities of the court, while at the same time with fairly organized the prosecutorial power aimed at countering crime.

The section 1 was prepared by N.N. Lysov, section 2 by K.D. Vanyan (together with M.T. Tashilin), section 3 by A.S. Shuisky (together with I.R. Gilmanov), section 4 by V.V. Kosterin.

1. Введение

Критический анализ института возвращения судом уголовного дела прокурору для исправления допущенных на досудебных стадиях производства ошибок при квалификации совершённого преступления, обусловлен новой концепцией независимости отправления правосудия и отсутствием обвинительного уклона в деятельности суда. Внесенные в последние годы в Уголовно-процессуальный кодекс (далее – УПК) РФ изменения, расширяющие возможности поворота к худшему, при отсутствии однозначного понимания как понятия «поворот к худшему», так и ряда процедурных аспектов этой проблемы вызывают непрекращающиеся споры в уголовно-процессуальной науке, а также затруднения в правоприменительной практике.

Актуальность темы исследования определяется необходимостью обоснования оптимальной модели предъявления в рамках судебного процесса нового обвинения и процедуры дополнения обвинения, изменения его в худшую сторону.

Проблеме запрета на поворот к худшему в отечественной уголовно-процессуальной науке посвящено достаточное количество исследований. Так, В.Д. Потапов отметил коллизии в регламентации недопустимости поворота к худшему, проявляющиеся в отсутствии в ст. 401.6 УПК РФ указания на ответственность допущенных нарушений как основание к

инициации кассационной проверки и необходимости уточнения уголовно-процессуального закона в этой части [1, с. 15–16].

К.В. Ивасенко, сформулировав понятие запрета на поворот к худшему, определил его как правило, а не принцип. Автор также описал процедуру желательного для российского уголовного процесса механизма преодоления запрета на поворот к худшему, включающую привнесение в контрольную инстанцию жалобы или представления стороной обвинения и рассмотрение ее судом только в пределах доводов, изложенных в поданной жалобе (представлении) [2, с. 13].

К схожим выводам приходит и С.А. Трухин, подробно исследовавший различные аспекты недопустимости ухудшения положения лица. Автор также обосновал необходимость закрепления в законе критериев понятия «ухудшение положения лица», предлагая понимать под ним не только усиление наказания, изменение уголовно-правовой квалификации на более тяжкое преступление, но и изменение «оснований прекращения уголовного дела с реабилитирующих на нереабилитирующие, увеличение размера взыскания по гражданскому иску и т. п.» [3, с. 13–15].

И.В. Килина, досконально рассмотрев институт запрета на поворот к худшему в уголовно-процессуальном праве, пришла к ряду значимых выводов в

том числе определив материальные и процессуальные основания и условия поворота к худшему на стадии подготовки к судебному заседанию и в суде первой инстанции [4, с. 15–16].

В то же время отмеченные выше работы, несмотря на свой фундаментальный характер, в большей степени посвящены анализу запрета на поворот к худшему в рамках надзорно-проверочных стадий уголовного судопроизводства и правилам его преодоления.

2. Понимание запрета на поворот к худшему

В уголовно-процессуальной литературе и при ограничительном толковании содержания запрета на поворот к худшему признаётся его принципиальное значение. Такая трактовка запрета на поворот к худшему, безусловно, верна, но не исчерпывает всего содержания этого процессуально-правового предписания. На наш взгляд, оно имеет более широкое – системное – значение для всего уголовного процесса, его действие не ограничивается отношениями между судебными инстанциями, но распространяется и на отношения между судом и прокурором.

В понимании правовой природы этого процессуального запрета мы исходим из двух моментов. Во-первых, он адресован суду, во-вторых, предметом его являются вопросы, касающиеся изменения обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от прежнего. Мы проводим прямую связь между запретом на поворот к худшему, правилом о тождестве обвинения в суде (ст. 252 УПК РФ) и процедурой предъявления и изменения обвинения.

Исходя из смысла статей гл. 2 УПК РФ, надо причислять к принципам уголовного процесса только те правила, действие которых распространяется на все стадии процесса или, по крайней мере, на досудебное и судебное производство.

Анализируемый запрет можно признать принципом уголовного процесса, поскольку его регулирующее воздействие распространяется как на отношения между судами различных инстанций, так и на их отношения с прокурором в связи с необходимостью изменения обвинения, по которому обвиняемый был предан суду, на более тяжкое обвинение или с юридической, или фактической стороны, или с обеих сторон.

Мы полагаем, что этот запрет распространяется на досудебное производство, а не ограничивается только судебными стадиями. В отношениях между вышестоящим и нижестоящим судами проявляется важный, но не единственный аспект данного запрета. Другая его составляющая проявляется в меха-

низме реализации отношения между прокурором как представителем «обвинительно-следственной» власти государства и судебной властью в связи с движением и изменением обвинения в сторону ужесточения. Для организации общей системы сдержек и противовесов между различными ветвями правового государства в уголовном процессе обе эти части запрета на поворот к худшему важны.

Полагаем, что сущность запрета на поворот к худшему неразрывно связана с институтом обвинения. Ведь именно предмет и основания обвинения составляют, в конечном итоге, объект уголовно-процессуальных отношений сторон и суда в связи с пересмотром решения суда нижестоящей инстанции вышестоящей инстанцией. Особенно ярко это проявляется в решении суда о возвращении уголовного дела прокурору.

Институт обвинения, как известно, наряду с доказательственным правом составляет организационную основу всей уголовно-процессуальной системы [5]. Отсюда и наш вывод о принципиальности анализируемого нами процессуального запрета для уголовно-процессуальной системы.

Таким образом, запрет на преобразование к худшему и производные от него правовые нормы, регулирующие порядок изменения обвинения после направления уголовного дела в суд, имеют институциональное значение для организации центрального уголовного процессуального отношения: обвинитель – суд – обвиняемый. От того, как уголовно-процессуальными нормами этого института регулируется процедура реализации властных полномочий участников процесса относительно обвинения, зависит последовательность разделения властей, независимости судебной власти и, в конечном итоге, общая организация – тип уголовного судопроизводства.

Появление в нашем уголовно-процессуальном законодательстве норм (п. 6 ч. 1, ч. 1.1–1.3 ст. 237, ч. 3 ст. 389.22, ч. 3 ст. 401.15, п. 6 ч. 1 ст. 412.11 УПК РФ), позволяющих суду из любой судебной инстанции вернуть уголовное дело прокурору для предъявления подсудимому обвинения в совершении более тяжкого преступления, говорит о том, что законодатель полностью отказался от изначально заложенный в кодекс модели отношений «суд – прокурор», предметом которых является обвинение и его изменение на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам по сравнению с тем, по которому он уже был предан суду.

Прежняя процессуальная модель была построена на ригористически истолкованном авторами

Концепции судебной реформы в РСФСР (1991 г.)¹ запрете суду осуществлять уголовное преследование: «суд должен быть освобожден от любых рудиментов функции уголовного преследования». Это, в свою очередь, повлияло на понимание авторами указанной Концепции – И.Л. Петрухиным [6; 7], Т.Г. Морщаковой [8] – запрета на поворот к худшему как гарантии права обвиняемого на то, что суд по своей инициативе ни прямо, ни косвенно не допустит преобразования его положения в худшую сторону. Суд не должен допустить через процедуру возвращения уголовного дела прокурору предъявление нового более тяжкого обвинения подсудимому и тем более сам не вправе подвергнуть уголовному преследованию подсудимого в связи с новыми, выявившимися в судебном следствии фактами его преступной деятельности.

Разделявший в 1999 г. эту максиму Конституционный Суд РФ фактически отменил вначале ст. 232 УПК РСФСР² и регулируемую ею процедуру возвращения уголовного дела на доследование, а затем прекратил действие ст. 255, 256 УПК РСФСР³, тем самым ликвидировав советский уголовно-процессуальный механизм изменения обвинения судом: как неприемлемую для состязательного судопроизводства «смычку» власти обвинения и суда.

Ввиду упразднения института возвращения дела судом для дополнительного расследования суду оставалось рассматривать уголовное дело в пределах обвинения, по которому дело ему было направлено прокурором, назначено судебное заседание, и если оно не подтверждалось на судебном следствии, то выносить оправдательный приговор или прекращать уголовное дело по реабилитирующему основанию. Если же в ходе судебного разбирательства выявляются новые факты преступной деятельности подсудимого, то они, будучи переданными через прокуратуру органу предварительного расследования, становятся основанием для нового уголовного дела и предметом нового обвинения.

¹ Постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 20 апреля 1999 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского рай-

Именно такой механизм взаимодействия органов уголовного преследования и суда по предмету обвинения был заложен в первоначальную редакцию УПК РФ (2000 г.): содержащиеся в ст. 237, 405 кодекса нормы исключали возможность возвращения судом уголовного дела прокурору по причине невосполнимой в судебном следствии неполноты доказательств обвинения или неправильного определения его предмета. Комментируя сложившуюся на тот момент правовую организацию отношений суда и прокурора в связи с выявившейся при рассмотрении дела порочностью обвинения ученые отмечали: «Поскольку поворот обвинения к худшему в суде запрещен, суд не вправе вынести обвинительный приговор, скорректировав обвинение в истинную, но неблагоприятную для обвиняемого сторону. Представляется, что обвинительный приговор в этом случае может быть вынесен лишь по старому, указанному в постановлении о назначении судебного заседания, обвинению, если, конечно, обвинитель не отказался от этого обвинения» [9, с. 466].

Подобный уголовно-процессуальный механизм не прощал ошибок органов уголовного преследования. Он предполагал более высокий уровень предварительного расследования и доказанности обвинений, к чему следственно-обвинительная власть не была готова. Кроме того, в этот механизм была заложена во многом чуждая для менталитета отечественных судей идея пассивности суда. Разумеется, из-за невозможности уголовно-процессуальной системы исправить (оперативно) ошибки обвинения страдали и законные интересы потерпевших. Уголовно-процессуальная система не выполняла свое назначение в части противодействия преступности и защиты потерпевших. В силу этого она стала объектом критики, прежде всего со стороны профессионального сообщества.

Надо отметить, что отечественный правоприменитель, несмотря на разделение властей, по-прежнему сохраняет корпоративное единство в понимании «правильного» (в смысле «удобного» для

онного суда города Нижний Новгород» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 17. Ст. 2205.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 14 января 2000 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И.П. Смирновой и запросом Верховного Суда Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 5. Ст. 611.

него) устройства уголовного правосудия и потому консолидированно выступал за изменение сложившегося положения вещей. Инициативы по разрешению затруднительной ситуации исходили как от представителей прокуратуры, органов предварительного расследования, так и от судебных властей [10, с. 7; 11].

Выражением общего желания профессионального сообщества стал проект восстановления советской модели доследования, прикрывавшийся концепцией объективной истины⁴, которая, возможно, и послужила причиной неудачи законотворческой инициативы. Хотя сама конструктивная идея вскоре была реализована в позитивном праве.

В Конституционный Суд РФ стали поступать жалобы и запросы на предмет проверки конституционности положений ст. 237, 405 УПК РФ по поводу необходимости защиты прав потерпевших, но также и более выверенного баланса частного и публичного интересов.

Законодатель под влиянием борьбы за возвращение института доследования, развернувшейся в Конституционном Суде РФ, постепенно стал восстанавливать институт доследования, а вместе с ней и отмененную следственную модель изменения обвинения в худшую сторону. Промежуточным шагом в этом правотворчестве стало дополнение ст. 237 УПК РФ ч. 1.1. На этом этапе преобразования механизма возвращения судом уголовного дела прокурору некоторыми учеными еще делались попытки удержаться на позициях понимания запрета на поворот к худшему, сформулированных в Постановлении Конституционного Суда РФ от 20 апреля 1999 г. № 7-П, и истолковать новые правовые нормы в ограничительном смысле, а именно: возвращение уголовного дела прокурору для предъявления более тяжкого обвинения должно быть только при наступлении новых общественно опасных последствий, возникших после направления уголовного в суд [12]. Но затем Федеральным законом № 64-ФЗ⁵ ст. 237 была дополнена ч. 1.2, а далее последовало Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П⁶, и

законодатель поспешил закрепить эту позицию в позитивном праве: введя п. 6 в ч. 1 ст. 237 УПК РФ.

История борьбы за восстановление института доследования была подробно описана в уголовно-процессуальной литературе [13–19]. Были различные, иногда очень резкие оценки произошедшего: «фактический отход от основных ценностей состязательного правосудия в пользу сильного государства (суда) и инквизиционного процесса» [20, с. 9]. Не разделяя резких выводов и тем более тона сторонников состязательности, нельзя не признать краха попытки введения запрета на выполнение судом функции уголовного преследования через возвращение судом уголовного дела на доследование. Произошло восстановление временно устраненного между судебной и следственно-обвинительной властями механизма взаимодействия в связи с возникшей после направления уголовного дела в суд необходимостью предъявления обвиняемому нового обвинения или существенного изменения прежнего.

Однако, надо прямо сказать, что это было неизбежно. Такой институт нужен уголовно-процессуальной системе, и в этом профессор Н.А. Колоколов прав [21], по той простой причине, что в любой уголовно-процессуальной системе должен быть подобный механизм «исправления обвинения», в том числе и предъявления новых обвинений уже после предания суду по первоначальному обвинению.

Н.П. Кириллова и И.Г. Смирнова, исходя из необходимости неукоснительного соблюдения прав всех участников уголовного судопроизводства, полагают, что в случае обнаружения на стадии досудебного производства «допущенных органами дознания или предварительного следствия процессуальных нарушений», суд вправе самостоятельно или по ходатайству стороны обвинения возвратить уголовное дело прокурору «для устранения препятствий его рассмотрения судом» [22, с. 119]. Аналогично, Т.К. Рябинина возможность возвращения уголовного дела прокурору считает важной процессуальной гарантией соблюдения прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве [23, с. 513]. В этом же ключе,

⁴ Проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» // Следственный комитет Российской Федерации: офиц. сайт URL: https://sledcom.ru/documents/Obsuzhdenija_zakonoproektov/item/1136/.

⁵ Федеральный закон от 26 апреля 2013 г. № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Рос-

сийской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 17. Ст. 2031.

⁶ Постановление Конституционного суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 28. Ст. 3881.

однако увязав с нравственной стороной уголовного судопроизводства, его социальной справедливостью и необходимостью всесторонности, законности, полноты и объективности говорят, Н.С. Манова и М.А. Баранова [24, с. 577].

Другой вопрос, как может быть организован этот механизм. Известно, что в различных уголовно-процессуальных системах, действие которых устроено на различных процедурах предъявления обвинения: следственной или судебной, – этот механизм бывает принципиально различным [25–28].

3. Модель изменения обвинения в худшую сторону

В уголовном процессе ряда государств, в том числе и тех, что ранее входили в СССР, порядок предъявления обвинения стал другим: судебный. Так, в параграфе 268 «Пределы судебного разбирательства» Криминально-процессуального кодекса (далее – КПК) Эстонии содержатся нормы о том, что прокурор может до завершения судебного расследования выйти с ходатайством об изменении и дополнении обвинения. Нормы данного параграфа регламентируют порядок предъявления прокурором нового обвинения подсудимого на основе обстоятельств, установленных в ходе судебного заседания. В соответствии со ст. 337–341 КПК Украины во время судебного разбирательства прокурор может изменить обвинение и выдвинуть дополнительное обвинение, если установлены новые фактические обстоятельства уголовного преступления, в совершении которого обвиняется лицо. Аналогичный институт содержится и в ст. 326 КПК Молдавии «Изменение обвинения в судебном заседании на более тяжкое» и законодательстве ряда других государств.

В уголовно-процессуальной системе, основанной на следственном институте обвинения, прокурор не может предъявить в судебной стадии новое обвинение. Поэтому суду не остается ничего другого, как через прокурора вернуть дело следователю, полномочному на принятие этого процессуального решения, т. е. вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого.

Процессуально-правовая форма обвинения в современном российском уголовном процессе является следственной, это калька с советской модели: прослеживается полная аналогия между гл. 23 УПК РФ и гл. 11 УПК РСФСР. Характерно, что за все годы действия российского кодекса, отмеченные многочисленными изменениями этого закона, глава о порядке предъявления обвинения осталась не тронутой законодателем. Это указывает на значение дан-

ного института для всей правовой организации процесса, включая и отношения между судом и обвинительно-следственной властью.

Современная модель отношений между судебной и обвинительно-следственной властями по предмету обвинения является результатом эволюции изначально заложенной в кодекс следственной модели досудебного производства. Изменения коснулись только отношений внутри обвинительно-следственной власти: следователь получил процессуальную самостоятельность, а прокурор лишен полномочий как на предъявление, так и на изменение обвинения. Обвинение формулируется и выдвигается в рамках следственной односторонней процедуры – вынесением постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Всей полнотой власти на обвинение, его формулирование, обоснование, предъявление обладает следственная власть.

Получившая распространение в современной науке концепция «обвинительно-следственная власть» [29] указывает на смешанную природу современной власти на обвинение. Она отражает следственную организацию досудебного производства и его вхождение в структуру уголовного судопроизводства; разделении следственной власти в лице руководителя следственного органа, следователя и «обвинительной власти» прокурора; а также баланс властей внутри этой процессуальной системы: следователь предъявляет обвинение и привлекает в качестве обвиняемого, прокурор – надзирает за законностью процессуальной деятельности следователя и принимает окончательное решение о судьбе обвинения в уголовном деле.

Процессуальные решения об изменении обвинения в ходе досудебного производства принимаются органом предварительного расследования самостоятельно или в результате возвращения уголовного дела прокурором. Следователь уполномочен изменять обвинение в худшую для обвиняемого сторону (ст. 175 УПК РФ), аналогичные полномочия есть у дознавателя, органа дознания (ст. 225, 226.7 УПК РФ). Прокурор вправе согласно п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ вернуть уголовное дело следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения со своими письменными указаниями. Аналогичные процессуальные полномочия есть у прокурора в отношении органа дознания.

Запрет на поворот к худшему в виде соответствующего изменения обвинения начинает действо-

вать после того, как дело оказалось в производстве суда. До этого обвинительно-следственная власть вправе распоряжаться обвинением.

После принятия уголовного дела к производству судом полномочия государственного обвинителя по распоряжению обвинением – в виде отказа от поддержания обвинения полностью или частично (ст. 246 УПК РФ). По причине отсутствия у прокурора полномочий предъявлять обвинение он не может этого сделать и в суде. Прокурор вправе поддерживать только обвинение, сформулированное в итоговом процессуальном решении органа предварительного расследования, которое он утвердил. Суд же сам не может выйти за пределы обвинения, по которому обвиняемый был предан суду, такое положение было заложено в советском кодексе (ст. 254 УПК РСФСР) и воспроизведено в ст. 252 УПК РФ. В подобной процессуальной системе остается единственный выход из ситуации, когда в ходе рассмотрения уголовного дела выяснилась необходимость преобразования обвинения в сторону ужесточения: возвращение дела на доследование.

Как известно, запреты вводятся для того, чтобы их нарушать. Важнейшей составляющей концепции запрета на поворот к худшему является система изъятий из этого общего запрета в виде правил о том, кто, когда, и, главное, в каком порядке может «нарушить» этот запрет.

В нашей уголовно-процессуальной системе сложился единственно возможный следственный порядок разрешения вопроса о преобразовании обвинения в худшую сторону после перехода процесса в судебную стадию. В состязательной уголовно-процессуальной системе при принципиально ином характере отношений между стороной обвинения и судом допускается предъявление нового обвинения прокурором, возможно – с соблюдением процедуры справедливого судебного разбирательства. Подобная правовая организация изменения обвинения в контексте запрета на преобразование положения подсудимого в худшую сторону требует, во-первых, судебного порядка предъявления обвинения; во-вторых, реального разделение судебной и обвинительной властей; в-третьих, самое главное – состязательного, справедливого уголовного судопроизводства.

В отечественной теории уголовного процесса с наиболее разработанным проектом новой модели изменения обвинения в суде против подсудимого выступила А.О. Машовец [30]. Она разработала проект отечественного уголовно-процессуального института изменения обвинения в сторону ухудшения

положения подсудимого при разбирательстве уголовного дела в суде. Его принципиальные отличия от существующего института доследования заключаются в следующем: во-первых, основанием для нового обвинения предлагается признавать только обстоятельство, установленные в ходе судебного следствия; во-вторых, процедура предъявления нового обвинения должна проходить под контролем суда и с обеспечением стороне защите реальной возможности защищаться от нового обвинения.

Данный проект основан на двух концептуальных разработках нижегородской школы процессуалистов: «Доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права» [31] и теории «обвинительной власти» [32], суть последней состоит в исковой трактовке обвинения и сосредоточении обвинительной власти у прокурора. Согласно воззрениям нижегородских ученых, прокурор как глава обвинительной власти должен обладать дискреционными полномочиями на обвинение. В ходе производства по уголовному делу в суде прокурор как субъект диспозитивности распоряжается материальными и процессуальными правами на обвинение. Под «материальным правом» понимается изменение предмета обвинения (уголовного иска), под процессуальными правами подразумевается, прежде всего, право на доказывание обвинения.

Переход на судебную процедуру предъявления первоначального обвинения сделает возможным и процедуру изменения обвинения на более тяжкое в суде при установлении оснований для этого решения. Тем самым запрет на поворот к худшему получает совершенно новый смысл, а именно суд не может по своей инициативе принять решение об изменении обвинения в худшую для подсудимого сторону, однако государственный обвинитель в порядке, обеспечивающем право подсудимого на защиту, вправе предъявить новое обвинение по фактическим основаниям, установленным в судебном следствии. Полагаем допустить возможность предъявления нового обвинения только в суде первой инстанции, что означает возвращение уголовного дела любым вышестоящим судом не прокурору, а в суд первой инстанции.

Таким образом, идеологический и теоретический фундамент для создания в отечественном уголовном процессе замены института доследования на институт предъявления и изменения обвинения в судебном порядке есть. Остается дело за малым – проведение реформы предварительного расследования, которую провели многие государства ближнего зарубежья.

После бури и натиска по внедрению состязательного элемента в отечественную уголовно-процессуальную систему произошла ее стабилизация на прежнем центре тяжести: следственной власти на обвинение, которая стала даже более независимой от прокурора, чем прежде. Во взаимосвязи с этим произошло восстановление и прежней модели возвращения судом дела на следствие – для преобразования к худшему положения обвиняемого.

Главная причина неудачи первоначального варианта проведения запрета на поворот к худшему в механизме изменения обвинения по уголовному делу, принятому судом к производству, заключается в том, что не было реформировано предварительное расследование и сохранена советская следственная модель предъявления и изменения обвинения.

В условиях смешанного уголовного процесса, где власть на привлечение в качестве обвиняемого и предъявление обвинения принадлежит следователю, а прокурор не только ограничен, но лишен права на предъявление обвинения, возможен поворот к худшему положения обвиняемого в связи с необходимостью предъявления ему более тяжкого обвинения только в форме возвращения на следствие.

Эта модель – единственно возможная в смешанном, переходном типе процесса, а потому крайне неэффективна. Ее механизм сопряжен со всеми следственными процессуальными издержками, временными (нарушение разумного срока производства по делу, истечение срока давности привлечения к уголовной ответственности), а главное – правозащитными: следователь не ограничен в

правах на доказывание и предъявление нового обвинения, страдают и права потерпевшего, в том числе право на доступ к правосудию.

Более разумным и справедливым вариантом по сравнению с этой моделью, равно как и абсолютным запретом на следствие, сформировавшимся в период становления новой концепции смешанного уголовного процесса, был состязательный порядок предъявления нового обвинения в суде, базирующийся на состязательной модели предъявления обвинения в суде.

4. Выводы

При переходе на состязательную модель, главным шагом которого будет введение судебного порядка предъявления обвинения (уголовного иска), радикально меняется и процедура дополнения обвинения, изменения его в худшую сторону в рамках судебного процесса по ранее предъявленному обвинению.

Судебная процедура перепредъявления обвинения в худшую для подсудимого сторону мало того, что справедливее, так и еще удобнее для обвинительной власти и правовой организации противодействия преступности, карательная составляющая, эффективность гораздо выше, что наглядно демонстрирует американская юстиция, построенная именно на такой модели.

Однако, переход к такой форме реализации запрета на поворот к худшему в институт предъявления и изменения обвинения в суде возможен только в системной увязке с реформой предварительного расследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Потапов В. Д. Основные начала проверки судебных решений в контрольно-проверочных стадиях и производствах уголовного судопроизводства России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В. Д. Потапов. – М., 2013. – 68 с.
2. Ивасенко К. В. Пределы прав вышестоящих инстанций при проверке судебных решений в апелляционном, кассационном и надзорном производствах : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / К. В. Ивасенко. – М., 2014. – 33 с.
3. Трухин С. А. Предмет и пределы апелляционного разбирательства уголовных дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. А. Трухин. – М., 2016. – 28 с.
4. Килина И. В. Поворот к худшему в суде апелляционной инстанции / И. В. Килина. – М. : Юрлитинформ, 2020. – 152 с.
5. Александров А. С. Теоретическая концепция государственно-правовой организации противодействия преступности в XXI веке / А. С. Александров, И. А. Александрова, С. В. Власова // Государство и право. – 2019. – № 9. – С. 75–86. – DOI: 10.31857/S013207690006732-7.
6. Петрухин И. Л. Запрет поворота к худшему в российском уголовном процессе / И. Л. Петрухин // Государство и право. – 2006. – № 3. – С. 46–53.

7. Петрухин И. Л. Доследование: расхождения закона и практики / И. Л. Петрухин // Уголовный процесс. – 2007. – № 8. – С. 27–30.
8. Морщакова Т. Г. Запрет поворота к худшему как гарантия прав личности в советском уголовном процессе / Т. Г. Морщакова // Проблемы охраны прав и законных интересов личности в социалистическом уголовном праве и процессе : сб. науч. тр. – Ярославль : Изд-во Яросл. ун-та, 1985. – С. 36–45.
9. Смирнов А. В. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации : постат. / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский ; под ред. А. В. Смирнова. – 2-е изд., доп. и перераб. – СПб. : Питер, 2004. – 848 с.
10. Зыкин В. Возвращение судом дел для дополнительного расследования: состояние и перспективы / В. Зыкин // Российский следователь. – 2006. – № 1. – С. 6–9.
11. Тамбовцев В. В. «Запрет поворота к худшему в российском уголовном процессе» и соблюдение прав человека, потерпевшего при отправлении правосудия / В. В. Тамбовцев // Государство и право. – 2006. – № 10. – С. 122–126.
12. Александров А. С. Возврата к направлению дела на следствие не будет / А. С. Александров, М. В. Лапатников // Уголовный процесс. – 2013. – № 7. – С. 10–14.
13. Александров А. Восстановление института возвращения судом уголовного дела прокурору на следствие / А. Александров, М. Лапатников // Уголовное право. – 2013. – № 6. – С. 82–88.
14. Дикарев И. С. Запрет поворота к худшему при пересмотре вступивших в законную силу судебных решений / И. С. Дикарев // Российская юстиция. – 2013. – № 3. – С. 60–62.
15. Grinenko A. System Weakness of the criminal Procedure legislation in modern Russia / A. Grinenko, I. Makeeva // Orcon. – 2018. – Vol. 34, spec. iss. 14. – P. 1246–1265.
16. Дикарев И. С. Уголовный процесс: «тихая революция» сменилась реакцией / И. С. Дикарев // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. – 2013. – № 3 (20). – С. 98–103.
17. Ковтун Н. Н. Суды «feta» / Н. Н. Ковтун // Уголовный процесс. – 2013. – № 11 (107). – С. 20–27.
18. Кальницкий В. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросу возвращения уголовного дела в досудебное производство / В. Кальницкий, Т. Куряхова // Уголовное право. – 2009. – № 4. – С. 96–100.
19. Куряхова Т. В. Пределы полномочий прокурора и органа расследования по возвращенному судом уголовному делу (ст. 237 УПК РФ) / Т. В. Куряхова // Законодательство и практика. – 2013. – № 1 (30). – С. 41–44.
20. Александров А. С. Суд на осуд, а не на рассуд / А. С. Александров, М. В. Лапатников // Уголовное судопроизводство. – 2013. – № 4. – С. 6–12.
21. Колоколов Н. А. Долгожданный возврат к следованию / Н. А. Колоколов // Уголовный процесс. – 2013. – № 11 (107). – С. 28–35.
22. Кириллова Н. П. Основные скрипты современной уголовно-процессуальной политики / Н. П. Кириллова, И. Г. Смирнова // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12, № 1. – С. 116–127. – DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(1).
23. Рябинина Т. К. Институт возвращения уголовного дела прокурору в системе уголовно-процессуальных средств, обеспечивающих право потерпевшего на защиту от преступлений и доступ к правосудию / Т. К. Рябинина // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14, № 3. – С. 512–526. – DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(3).
24. Манова Н. С. Принципы уголовного судопроизводства как воплощение нравственных основ уголовно-процессуальной деятельности / Н. С. Манова, М. А. Баранова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2019. – Вып. 45. – С. 564–593. – DOI: 10.17072/1995-4190-2019-45-564-593.
25. Sim R. S. A Level English Law / R. S. Sim, D. M. M. Scott. – London : Butterworth, 1984. – 394 p.
26. Kiraify A. K. R. The English Legal System / A. K. R. Kiraify. – London : Sweet & Maxwell, 1984. – 301 p.
27. Meyer-Goßner L. Strafprozessordnung mit GVG und Nebengesetzen / L. Meyer-Goßner. – München: C.H. Beck, 2008. – 2671 s.
28. Рябинина Т. К. Правовое регулирование института возвращения уголовного дела из суда в зарубежных странах / Т. К. Рябинина // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2019. – № 5. – С. 27–30.

29. Шейфер С. А. Прокурорская и следственная власть: сущность и проблемы взаимоотношения / С. А. Шейфер // Уголовное судопроизводство: теория и практика / под ред. Н. А. Колоколова. – М. : Юрайт, 2016. – Т. 2. – С. 383–401.
30. Машовец А. О. Теоретическая модель правовой организации судебного следствия в уголовном процессе Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук / А. О. Машовец. – Екатеринбург, 2018. – 425 с.
31. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / под ред. А. С. Александрова. – М. : Юрлитинформ, 2015. – 304 с.
32. Александров А. С. Обвинительная власть. Уголовный иск. Уголовное преследование и его виды / А. С. Александров, А. А. Кухта, А. Д. Марчук // Уголовный процесс : проблемные лекции / под ред. В. Т. Томина, И. А. Зинченко. – М. : Юрайт, 2020. – С. 241–292.

REFERENCES

1. Potapov V.D. *The main principles of the verification of court decisions in the control and verification stages and proceedings of criminal proceedings in Russia*, Doct. Diss. Thesis. Moscow, 2013. 68 p. (In Russ.).
2. Ivashenko K.V. *Limits of the rights of higher instances when checking court decisions in appeal, cassation and supervisory proceedings*, Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2014. 33 p. (In Russ.).
3. Trukhin S.A. *The subject and limits of the appeal proceedings of criminal cases*, Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2016. 28 p. (In Russ.).
4. Kilina I.V. *A turn for the worse in the court of appeal*. Moscow, YurLitinform Publ., 2020. 152 p. (In Russ.).
5. Alexandrov A.S., Alexandrova I.A., Vlasova S.V. Theoretical concept of state-legal organization of crime prevention in the XXI century. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2019, no. 9, pp. 75–86. DOI: 10.31857/S013207690006732-7. (In Russ.).
6. Petrukhin I.L. Prohibition of turning to the worst in the Russian criminal process. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2006, no. 3, pp. 46–53. (In Russ.).
7. Petrukhin I.L. Further investigation: discrepancies of law and practice. *Ugolovnyi protsess = Criminal process*, 2007, no. 8, pp. 27–30. (In Russ.).
8. Morshakova T.G. Prohibition of a turn for the worse as a guarantee of individual rights in the Soviet criminal process, in: *Problemy okhrany prav i zakonnykh interesov lichnosti v sotsialisticheskoy ugolovnoy pravoy i protsesse*, A collection of scientific papers, Yaroslavl, Yaroslavl University Publ., 1985, pp. 36–45. (In Russ.).
9. Smirnov A.V., Kalinovskii K.B. *Commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation*, Article by article, ed. by A.V. Smirnov, 2nd ed. St. Petersburg, Piter Publ., 2004. 848 p. (In Russ.).
10. Zykin V. The court's return of cases for additional investigation: the state and prospects. *Rossiiskii sledovatel' = Russian investigator*, 2006, no. 1, pp. 6–9. (In Russ.).
11. Tambovtsev V.V. "Prohibition of turning to the worst in the Russian criminal process" and observance of human rights of the victim in the administration of justice. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2006, no. 10, pp. 122–126. (In Russ.).
12. Alexandrov A.S., Lapatnikov M.V. There will be no return to the direction of the case for further investigation. *Ugolovnyi protsess = Criminal process*, 2013, no. 7, pp. 10–14. (In Russ.).
13. Alexandrov A., Lapatnikov M. Restoration of the institution of the court's return of the criminal case to the prosecutor for further investigation. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2013, no. 6., pp. 82–88. (In Russ.).
14. Dikarev I.S. Prohibition of turning for the worse when reviewing court decisions that have entered into legal force. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2013, no. 3, pp. 60–62. (In Russ.).
15. Grinenko A., Makeeva I. System Weakness of the criminal Procedure legislation in modern Russia. *Opcion*, 2018, vol. 34, spec. iss. 14, pp. 1246–1265.
16. Dikarev I.S. Criminal trial: "quiet revolution" was replaced by reaction. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Yurisprudentsiya = Bulletin of Volgograd State University. Series 5: Jurisprudence*, 2013, no. 3 (20), pp. 98–103. (In Russ.).
17. Kovtun N.N. Courts "fema". *Ugolovnyi protsess = Criminal process*, 2013, no. 11 (107), pp. 20–27. (In Russ.).
18. Kalnitsky V., Kuryakhova T. Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the issue of returning a criminal case to pretrial proceedings. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2009, no. 4, pp. 96–100. (In Russ.).

19. Kuryakhova T.V. Limits of the powers of the prosecutor and the body of investigation in the criminal case returned by the court (Article 237 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation). *Zakonodatel'stvo i praktika = Legislation and practice*, 2013, no. 1 (30), pp. 41–44. (In Russ.).
20. Alexandrov A.S., Lapatnikov M.V. Court on conviction, and not on judgment. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo = Criminal proceedings*, 2013, no. 4, pp. 6–12. (In Russ.).
21. Kolokolov N.A. The long-awaited return to the investigation. *Ugolovnyi protsess = Criminal process*, 2013, no. 11 (107), pp. 28–35. (In Russ.).
22. Kirillova N.P., Smirnova I.G. Basic scripts of modern criminal procedure policy. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2018, vol. 12, no. 1, pp. 116–127. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(1). (In Russ.).
23. Ryabinina T.K. Institute of the return of the criminal case to the prosecutor in the system of criminal procedural means ensuring the victim's right to protection from crimes and access to justice. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2020, vol. 14, no. 3, pp. 512–526. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(3). (In Russ.).
24. Manova N.S., Baranova M.A. Principles of criminal proceedings as the embodiment of the moral foundations of criminal procedural activity. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Bulletin of Perm University. Legal sciences*, 2019, iss. 45, pp. 564–593. DOI: 10.17072/1995-4190-2019-45-564-593. (In Russ.).
25. Sim R.S., Scott D.M.M. *A Level English Law*. London, Butterworth Publ., 1984. 394 p.
26. Kiraify A.K.R. *The English Legal System*. London, Sweet & Maxwell Publ., 1984. 301 p.
27. Meyer-Goßner L. *Strafprozessordnung mit GVG und Nebengesetzen*. Munich, C.H. Beck Publ., 2008. 2671 p. (In German).
28. Ryabinina T.K. Legal regulation of the institution of the return of a criminal case from court in foreign countries. *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya = International criminal law and international justice*, 2019, no. 5, pp. 27–30. (In Russ.).
29. Sheifer S.A. Prosecutorial and investigative power: the essence and problems of relationship, in: Kolokolov N.A. (ed.). *Ugolovnoe sudoproizvodstvo: teoriya i praktika*, vol. 2, Moscow, Yurait Publ., 2016, pp. 383–401. (In Russ.).
30. Mashovets A.O. *Theoretical model of the legal organization of judicial investigation in the criminal process of the Russian Federation*, Doct. Diss. Yekaterinburg, 2018. 425 p. (In Russ.).
31. Aleksandrov A.S. (ed.). *The doctrinal model of the criminal procedural evidentiary law of the Russian Federation and comments on it*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2015. 304 p. (In Russ.).
32. Aleksandrov A.S., Kukhta A.A., Marchuk A.D. The prosecutorial power. Criminal claim. Criminal prosecution and its types, in: Tomin V.T., Zinchenko I.A. (eds.). *Ugolovnyi protsess*, Problem lectures, Moscow, Yurait Publ., 2013, pp. 241–292. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ванян Кристина Дживановна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики
Пятигорский институт (филиал) Северо-Кавказского федерального университета
357500, Россия, г. Пятигорск, ул. 40 лет Октября, 56
E-mail: vkd4@yandex.ru
SPIN-код РИНЦ: 6997-1303
ORCID: 0000-0003-0025-0459

Лысов Николай Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, процесса и криминалистики
Пятигорский институт (филиал) Северо-Кавказского федерального университета

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Kristina D. Vanyan – PhD in Law, Associate Professor; Associate Professor, Department of Criminal Law, Procedure and Criminalistics
Pyatigorsk Institute (branch) of the North-Caucasus Federal University
56, 40 let Oktyabrya ul., Pyatigorsk, 357500, Russia
E-mail: vkd4@yandex.ru
RSCI SPIN-code: 6997-1303
ORCID: 0000-0003-0025-0459

Nikolay N. Lysov – Doctor of Law, Professor; Professor, Department of Criminal Law, Procedure and Criminalistics
Pyatigorsk Institute (branch) of the North-Caucasus Federal University

357500, Россия, г. Пятигорск, ул. 40 лет Октября, 56
E-mail: Inn-nn@yandex.ru
SPIN-код РИНЦ: 1399-8115; AuthorID: 213108
ORCID: 0000-0002-5252-0070

Тащилин Михаил Тихонович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, процесса и криминалистики
Пятигорский институт (филиал) Северо-Кавказского федерального университета
357500, Россия, г. Пятигорск, ул. 40 лет Октября, 56
E-mail: mt-tashchilin@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1962-3641

Шуйский Андрей Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики
Пятигорский институт (филиал) Северо-Кавказского федерального университета
357500, Россия, г. Пятигорск, ул. 40 лет Октября, 56
E-mail: kaf-upp@pfncfu.ru
SPIN-код РИНЦ: 3402-9331
ORCID: 0000-0001-7956-1537

Гильманов Ильяс Рашидович – соискатель ученой степени кандидата юридических наук
Пятигорский институт (филиал) Северо-Кавказского федерального университета
357500, Россия, г. Пятигорск, ул. 40 лет Октября, 56
E-mail: gir2020@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5072-9671

Костерин Владимир Владимирович – соискатель ученой степени кандидата юридических наук
Пятигорский институт (филиал) Северо-Кавказского федерального университета
357500, Россия, г. Пятигорск, ул. 40 лет Октября, 56
E-mail: leandr_2014@mail.ru
SPIN-код РИНЦ: 1924-9690; AuthorID: 975089
ORCID: 0000-0001-7438-0427

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Ванян К.Д. Принципиальное значение запрета на поворот к худшему для уголовно-процессуальной системы / К.Д. Ванян, Н.Н. Лысов, М.Т. Тащилин, А.С. Шуйский, И.Р. Гильманов, В.В. Костерин // Правоприменение. – 2022. – Т. 6, № 3. – С. 212–223. – DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(3).212-223.

56, 40 let Oktyabrya ul., Pyatigorsk, 357500, Russia
E-mail: Inn-nn@yandex.ru
RSCI SPIN-code: 1399-8115; AuthorID: 213108
ORCID: 0000-0002-5252-0070

Mikhail T. Tashilin – Doctor of Law, Professor; Professor, Department of Criminal Law, Procedure and Criminalistics
Pyatigorsk Institute (branch) of the North-Caucasus Federal University
56, 40 let Oktyabrya ul., Pyatigorsk, 357500, Russia
E-mail: mt-tashchilin@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1962-3641

Andrey S. Shuisky – PhD in Law, Associate Professor, Department of Criminal Law, Procedure and Criminalistics
Pyatigorsk Institute (branch) of the North-Caucasus Federal University
56, 40 let Oktyabrya ul., Pyatigorsk, 357500, Russia
E-mail: kaf-upp@pfncfu.ru
RSCI SPIN-code: 3402-9331
ORCID: 0000-0001-7956-1537

Ilyas R. Gilmanov – Applicant for an academic degree PhD in Law
Pyatigorsk Institute (branch) of the North-Caucasus Federal University
56, 40 let Oktyabrya ul., Pyatigorsk, 357500, Russia
E-mail: gir2020@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5072-9671

Vladimir V. Kosterin – Applicant for an academic degree PhD in Law
Pyatigorsk Institute (branch) of the North-Caucasus Federal University
56, 40 let Oktyabrya ul., Pyatigorsk, 357500, Russia
E-mail: leandr_2014@mail.ru
RSCI SPIN-code: 1924-9690; AuthorID: 975089
ORCID: 0000-0001-7438-0427

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Vanyan K.D., Lysov N.N., Tashilin M.T., Shuisky A.S., Gilmanov I.R., Kosterin V.V. The fundamental importance of the ban on turning for the worse for the criminal procedure system. *Pravoprimenie = Law Enforcement Review*, 2022, vol. 6, no. 3, pp. 212–223. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(3).212-223. (In Russ.).